

УДК 821.161.1

DOI: 10.31862/1819-463X-2023-6-22-29

ББК 83.3(2Рос=Рус)

НАДСОНОВСКИЙ МОТИВ В «ПЕРВОМ СТИХОТВОРЕНИИ» И. А. БУНИНА И М. ГОРЬКОГО

И. С. Урюпин

Аннотация. В статье в теоретико- и историко-литературном аспектах рассматривается феномен «первого стихотворения» в творчестве И. А. Бунина и М. Горького, выявляется соотношение понятий «литературный дебют» и «первое стихотворение», между которыми нет содержательно-смыслового тождества. Под литературным дебютом понимается произведение, созданное в соответствии с определенными идейно-эстетическими представлениями и ориентациями художника, которые сознательно актуализирует автор в ходе своего вхождения в историю литературы. Своим литературным дебютом И. А. Бунин считал стихотворение «Деревенский нищий», продолжавшее классические традиции русской демократической лирики, в то время как фактически первое опубликованное стихотворение «Над могилой С. Я. Надсона», представляющее собой протосимволистский текст, сам поэт, декларировавший недоверие к модернистскому искусству, оставлял на периферии своего творчества. В статье анализируется образный генезис «первых» стихотворений И. А. Бунина, в которых при всем их стилистическом и проблемно-тематическом отличии отразилось влияние С. Я. Надсона. Надсоновский пафос оказался воспринят и М. Горьким, первое стихотворение которого – «Прощай!» – содержит надсоновский комплекс мотивов и сюжетных ходов. Неореалистические установки И. А. Бунина и неоромантические стратегии М. Горького при всем их отличии друг от друга имели общий историко-культурный и литературный источник, восходящий к «предсимволистскому» творчеству С. Я. Надсона, рефлексия по отношению к которому определила художественные искания двух крупнейших «реалистов» русской литературы XX в.

Ключевые слова: И. А. Бунин, М. Горький, С. Я. Надсон, первое стихотворение, мотивно-образный комплекс.

© Урюпин И. С., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования: Урюпин И. С. Надсоновский мотив в «первом стихотворении» И. А. Бунина и М. Горького // Наука и школа. 2023. № 6. С. 22–29. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-6-22-29.

THE NADSONIAN MOTIF IN THE “FIRST POEM”

BY I. A. BUNIN AND M. GORKY

I. S. Uryupin

Abstract. *The article examines the phenomenon of the “first poem” in the works of I. A. Bunin and M. Gorky in the theoretical, historical and literary aspects and reveals the correlation of the concepts of the “literary debut” and “first poem,” between which there is no semantic identity. Literary debut refers to a work created in accordance with certain ideological and aesthetic ideas and orientations of the author, which he deliberately updates during his entry into the history of literature. I. A. Bunin considered the poem “The Village Beggar” his literary debut, which continued the classic traditions of Russian democratic lyrics, while in fact the first published poem “Over the Grave of S. Ya. Nadson,” which is a proto-symbolist text, the poet himself, who declared distrust of modernist art, left on the periphery of his work. The article analyzes the figurative genesis of the “first” poems of I. A. Bunin, in which, with all their stylistic and problematic-thematic differences, the influence of S. Ya. Nadson was reflected. Nadsonian pathos was also perceived by M. Gorky, whose first poem – “Goodbye!” – contains a Nadsonian complex of motifs and plot devices. The neorealistic attitudes of I. A. Bunin and the neoromantic strategies of M. Gorky, with all their differences from each other, had a common historical, cultural and literary source, rooted in the “pre-symbolic” work of S. Ya. Nadson, the reflection on which determined the artistic search of the two most prominent “realists” of the twentieth century Russian literature.*

Keywords: *I. A. Bunin, M. Gorky, S. Ya. Nadson, the first poem, motif and image complex.*

Cite as: Uryupin I. S. The Nadsonian motif in the “first poem” by I. A. Bunin and M. Gorky. *Nauka i shkola*. 2023, No. 6, pp. 22–29. DOI: 10.31862/1819-463X-2023-6-22-29.

В коллективной монографии «Феномен “последнего стихотворения”: теория и практика исследования» (Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2022) О. В. Зырянов, размышляя о жанрово-тематической природе литературного дебюта, типология которого «представляется вполне ясной и изученной», в примечаниях заметил: «конечно, могут встречаться отдельные трудности, осложняющие решение данного вопроса» [1, с. 8]. К числу таких «трудностей» относится не только верификация поэтического текста, его атрибуция, выявление литературного генезиса, но и осмысление самого «фе-

номена лирического дебюта» [1, с. 7], который, как ни парадоксально, может не совпадать с самим фактом первой публикации произведения, но при этом восприниматься началом творческой биографии художника, его вхождением в большую литературу.

В «Заметках (о начале литературной деятельности)» (1929) И. А. Бунин вспоминал: «Печатать свои стихи я начал непристойно рано, – шестнадцати лет», послав «в один из петербургских иллюстрированных журналов» [2, с. 22] свое первое стихотворение. Но вовсе не с него и даже не с еще более раннего

стихотворения, напечатанного без подписи в «Орловском вестнике» «о двух бродягах, замерзших» «в сильную вьюгу» [2, с. 23], поэт вел отсчет своей литературной истории, а со стихотворения «Деревенский нищий», опубликованного 17 мая 1887 г. в журнале «Родина» (№ 20), а затем регулярно помещавшегося автором в собрании своих сочинений в разделе «Изъ юношескихъ стихотворений» и сопровождавшегося подзаголовком: «Первое напечатанное стихотворение» [3, с. 4]. Однако фактически первым опубликованным стихотворением И. А. Бунина было другое произведение – «Над могилой С. Я. Надсона». Оно вышло в свет 22 февраля 1887 г. в том же самом журнале «Родина» (№8), но в силу определенных обстоятельств практически не упоминалось поэтом и не включалось им в собрания своих сочинений. «Законный вопрос», который задает В. И. Чернышева, «мог ли Бунин просто перепутать дату своего поэтического дебюта на страницах печати, исключая стихотворение “Над могилой Надсона” из своей литературной биографии» [4, с. 76], казалось бы, получил окончательное разрешение в исследованиях Т. М. Двинятиной: «пропустив свое первое появление в печати, и потом, уже зная о нем, Бунин больше не перепечатывал “Над могилой С. Я. Надсона” и продолжал называть своим первым опубликованным произведением следующее, написанное в народнической традиции стихотворение “Деревенский нищий”» [5, с. 10]. Именно его в «творческой анкете» для издателя Ф. Ф. Фидлера «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей» (Москва, 1911) И. А. Бунин называл началом своего поэтического пути.

Вряд ли случайное стечение обстоятельств, связанное только лишь с очередностью выхода в свет столь непохожих в идейно-философском и эстетическом отношении стихотво-

рений, но при этом вполне равнозначных в версификационном плане (оба они, несомненно, были подражательными и ученическими), является причиной разного отношения к ним автора и, соответственно, разного статуса в художественной системе поэта. Иными словами, своим литературным дебютом, содержащим зерно, из которого произрастет творческое древо, И. А. Бунин называет демократически-народнического «Деревенского нищего», а протосимволистский текст «Над могилой С. Я. Надсона» (по сути – подлинно дебютный) предпочтет если не забыть вовсе, то оставить в глубокой тени, тем самым определив свою поэтическую стратегию в онтологии (и антологии тоже!) Серебряного века.

Стихотворение «Над могилой С. Я. Надсона», написанное «на смерть поэта» («Угас поэт в расцвете силы, / Заснул безвременно певец» [6, с. 200]), своим напряженным поиском нравственного Абсолюта и отчаянием о невозможности его обрести открывшего в русской лирике 80-х гг. XIX в. этико-эстетические перспективы символизма, брезжившие на горизонте русского искусства, оказалось наполнено тем модернистским духом, который И. А. Бунин попытался демонстративно отринуть в самом начале своего литературного пути. Однако при всем нарочитом неприятии «новых течений современной русской литературы», порожденной всеобщим экзистенциально-метафизическим «упадком» (причины которого впоследствии раскрыл Д. С. Мережковский в своем знаменитом трактате 1893 г.), И. А. Бунин оказался «втянут в семиотическое пространство символизма» [7, с. 4] и, будучи «несимволистом», в своей поэзии, по замечанию С. В. Сапожкова, добился такой «смысловой, символической перспективы образа» [8, с. 100], которая, обладая повышенной ассоциативностью и суггестивностью, преодолевала границы реализма.

И хотя стихотворение «Над могилой С. Я. Надсона» еще не символистский текст, предполагающий особый взгляд на мир из надмирного духового пространства, самодостаточного по отношению к земной юдоли, но уже далеко не только реалистический: юный поэт, скорбя о своем литературном кумире, безвременно ушедшем из жизни («Он мало жил...»; «И скрылись в урне гробовой / Его талант могучий, сильный, / И жар души любвеобильной, / И сны поэзии святой!..» [6, с. 200]), создает персонифицированный образ Смерти, продолжая традиции романтизма с его устремленностью за горизонты бытия, воспринятые и интенсифицированные символизмом: «Смерть сорвала с него венец / И унесла под свод могилы» [6, с. 200]. В финале стихотворения появляется образ «ангела смерти быстрокрылого», который оледенил уста поэта и сокрыл его «холодный труп» «камнем с надписью унылой» [6, с. 200]. В «надгробный лавровый венок» почившего поэта «своей неопытной рукою» вплел скромный лепесток и лирический герой стихотворения И. А. Бунина, словно перенимая литературную эстафету от своего предшественника. Однако смерть поэта, умолкнувшего навсегда в этом бренном мире, – всего лишь иллюзия, ибо «вечно будет он жить в преданиях времен», и звон его лиры «долго, долго не забудет» Отчизна [6, с. 200]. Но далеко не только гражданственный дух стихотворений С. Я. Надсона обеспечил ему место на литературном небосклоне в сонме бессмертных: «Он был поэт, душой поэт, / А не притворный, не холодный; / Могучей силой песнопенья / Он оживлял мечты свои; / В нем сердце билось вдохновеньем / И страстью искренней любви!» [6, с. 200].

Для юного И. А. Бунина, вошедшего в литературный мир в «эпоху Надсона» [9, с. 33], который «не жил», а «горел» [9, с. 32] святым пламенем Любви / любви, само восприятие поэтического дара

окрашивалось в «надсоновские» тона благоговейного служения красоте и истине, в иррациональной природе которых был сокрыт смысл земного бытия, хрупкого и мимолетного, обреченного на гибель. «Выход в экзистенциальный контекст» [10, с. 5], являющийся неотъемлемой чертой «последнего стихотворения» как особого метажанра, в равной мере оказывается присущ и «первому стихотворению». В «Деревенском нищем», как и в стихотворении «Над могилой С. Я. Надсона», тема смерти организует смысловое пространство произведения: лирический герой, пребывая «у края могилы», «истомленный нуждой», становится страдальцем «Христа ради» («Смерть близка уж, но много мученья / Перетерпит несчастный старик» [11, с. 98]). Более того, за страданием одного человека поэт прозревает страдания всего народа: «Грустно видеть, как много страданья / И тоски и нужды на Руси!» [11, с. 98]. Несмотря на то, что в стихотворении «Деревенский нищий» нет прямых отсылок к поэзии С. Я. Надсона, надсоновский пафос в нем все же чувствуется. Вообще лирика С. Я. Надсона пронизана мотивом страдания: «внутренний яд страдания» [12, с. 57], «яд безмолвного страданья» [12, с. 60], парализующий душу поэта, преодолевает микрокосм и растворяется в макрокосме – в пространстве большого мира, в котором человек не находит себе места.

В поэзии рубежа XIX–XX вв., отразившей онтологическую тоску по вечности современного человека, зажатого в тисках времени, переживающего состояние духовного диссонанса и разочарования в ранее казавшихся незыблемыми нравственных ценностях, начинает доминировать «трагическое одиночество, представляющее собой метафизическую раздвоенность художника, его внутреннего мира, души между “верхом” (то есть Духом, небом) и “низом”, то есть телом, землей» [13,

с. 205]. Такое мироощущение было присуще едва ли не всем начинающим поэтам, вступившим на литературный путь в конце XIX столетия и отразившим в своих первых художественных попытках концентрацию невыразимого отчаяния и предельного человеческого страдания, которую воплотил в своих стихотворениях С. Я. Надсон.

Но то, на чем остановился в своей экзистенциально-драматической эволюции С. Я. Надсон, безвременно ушедший из жизни, подхватили и продолжили художники, диаметрально противоположные по своим идейно-философским убеждениям и этико-эстетическим установкам и ориентациям. Таковы И. А. Бунин и М. Горький. Оба они начали свой литературный путь как поэты, и их первые поэтические опыты оказались под мощнейшей надсоновской гравитацией. О «несомненном творческом воздействии на раннего Горького» [14, с. 3] лирики С. Я. Надсона в 1970-е гг. писал В. И. Любушкин, однако эти наблюдения исследователя до сих пор еще не получили серьезного осмысления и развития, равно как и сама поэзия М. Горького, почти совершенно не изученная как в проблемно-тематическом, так и стилевом отношении.

«Горький, поднявшийся на гребне литературной славы в те же годы, когда появились первые книги Бунина» [15, с. 7], декларировавшего свою приверженность традициям реалистического искусства, находился под влиянием романтической эстетики. Но неореализм И. А. Бунина и неоромантизм М. Горького имели общий литературный и историко-культурный генезис. Это хорошо осознавали и сами художники, оказавшиеся вовлечены с 1899 г. в не прерывавшийся на протяжении десятилетий творческий диалог. Ялтинские встречи И. А. Бунина и М. Горького в числе прочего были освящены памятью С. Я. Надсона: «В Крыму, где ярки неба своды, / Он молодые кончил годы» [6, с. 200].

Именно в Крыму, где впервые оказался Алексей Пешков в 1892 г., странствуя «по Руси», начался творческий путь уже Максима Горького. Крымские впечатления нашли отражение и в «первом стихотворении» поэта «Прощай!», опубликованном в «Самарской газете» 5 марта 1895 г. (№ 50). Как и И. А. Бунин, М. Горький не включал свое первое стихотворение в собрания сочинений, но и не отрекался от него. В «Рассказе Филиппа Васильевича» (1905) в уста героя, интеллигентного дворника Платона, очень остро переживавшего духовно-социальные противоречия эпохи, писатель вкладывает свое собственное стихотворение, отличавшееся от ранее опубликованного оригинала новым зачином, раскрывавшим сущность романтического конфликта поэта с миром:

*Прощай! Душа – тоской полна...
Я вновь, как прежде, одинок,
И снова жизнь моя темна.
Прощай, мой ясный огонек!..* [16, с. 407]

В стихотворении М. Горького «Прощай!» лирический герой, сердце которого гложет «червь тоски», поднимает паруса и становится «со вздохом у руля», чтобы устремиться в море и навсегда оставить скорбный и бесприютный берег, где даже у близких людей не осталось искренних чувств и истинных ценностей:

*Прощай!
Любовь – всегда немного ложь,
И правда вечно в ссоре с ней;
Любви достойных долго ждешь,
А их все нет...* [17, с. 8]

Мотив разочарования, крушения романтических иллюзий, утраты жизненных ориентиров («Любя тебя, – я сознавал, / Что я себе красиво лгал / И что мечта моя – не ты!» [17, с. 8]) и – как следствие – прощание с мечтой и погружение в жестокую реальность в горьковском произведении перекликается с внутренней драмой лирического героя стихотворения С. Я. Надсона «На разли-

ку» (1878), после разрыва с возлюбленной оказывающегося в состоянии духовной дезориентации:

*Прощай... В моей душе больной
Вновь желчь и злоба закипают.
Я вновь на жизненном пути
Остался в сумраке ненастья.
Нет силы одному идти
Без света дружбы и участия* [12, с. 52].

В стихотворении С. Я. Надсона «Я заглушил мои мученья...» (1879) возникает коллизия разрыва отношений с возлюбленной; герой «с мукой сожаленья» вырывает «из груди больной» ее образ и навсегда прощается с «призраками» былого счастья, называет «их бредом и мечтой»: «Прощай! Мы с этих пор чужие» [12, с. 78]. Та же самая коллизия организует лирический сюжет и стихотворения М. Горького:

*Прощай!
Не замедляй последний час,
Который я с тобой вдвоем
Переживал уже не раз!
Нет, больше он не сблизит нас,
Напрасно мы чего-то ждем...* [17, с. 8]

«Роскошная мантия мечты» [17, с. 8], окутавшая сердце поэта и парализовавшая его волю, в горьковском стихотворении срывается свежим морским ветром,

рассеивающим любовное наваждение и дающим ощущение абсолютной свободы. К ней и устремляется лирический герой, сопровождаемый голосами «резвых чаек» и полосами белой пены, оставляющей эфемерный след в пространстве жизни.

Начало литературного пути М. Горького ознаменовалось «прощанием», а значит – *концом* (отношений с возлюбленной, завершением юности, разочарованием в романтических идеалах) – и вместе с тем *венцом* эстетических исканий поэта, оказавшегося вовлеченным в искусство модернизма с его тяготением к высшей реальности, которую через символы прозревали художники-теурги. Конец земного бытия С. Я. Надсона, ставший потрясением для И. А. Бунина, совершившего в самом начале своего литературного восхождения поистине религиозно-мистериальное рыдание «над могилой» почившего поэта, явился предвестием зари Серебряного века. В его духовную орбиту оказались вовлечены писатели разных идейно-философских воззрений и представлений о мире, но обладавшие мощнейшим лирическим потенциалом, который в XX в. будет в полной мере реализован И. А. Буниным и М. Горьким.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зырянов О. В. Феномен последнего стихотворения в формате лирической миниатюры // Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: колл. моногр. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2022. С. 6–27.
2. Бунин И. А. Полное собр. соч.: в 13 т. Т. 10: Портреты; Критика; Слово о Бунине. М.: Воскресенье, 2006. 584 с.
3. Бунин И. А. Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Петроградъ: Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ, 1915. 258 с.
4. Чернышева В. И. «Стихотворения 1887–1891 гг.» И. А. Бунина в критических откликах современников // Орловский текст российской словесности. Вып. 13. Орел: Картуш, 2021. С. 74–76.
5. Двинятина Т. М. Ранняя лирика И. А. Бунина: истоки и влияния // Изв. Рос. акад. наук. Сер. литературы и языка. 2022. Т. 81, № 5. С. 5–17.
6. Бунин И. А. Стихотворения: в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2014. 544 с. (Новая б-ка поэта).
7. Титаренко С. Д. Лирика И. А. Бунина в контексте Серебряного века // И. А. Бунин и мировой литературный процесс: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения писателя. Орел, 2000. С. 3–13.

8. Сапожков С. В. Поэзия 1880–1890-х годов под «перекрестным огнем» народнической и символистской критики // Вестн. Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2020. № 2 (67). С. 91–103.
9. Сапожков С. В. «Сломленные крылья»: поэзия Семена Яковлевича Надсона // Литература в школе. 1999. № 8. С. 32–43.
10. Иванюк Б. П. «Последнее стихотворение»: жанрологическая заявка в формате словарной статьи // Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: колл. моногр. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2022. С. 4–6.
11. Бунин И. А. Стихотворения: в 2 т. Т. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома: Вита Нова, 2014. 544 с. (Новая б-ка поэта).
12. Надсон С. Я. Полн. собр. стихотворений. М.–Л.: Сов. писатель, 1962. 506 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
13. Михайлов М. И. Максим Горький и символизм в контексте проблемы гуманизма // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс. СПб.: РХГА, 2018. С. 204–208.
14. Любушкин В. И. Принципы иносказательности в поэзии М. Горького // Вестн. Московского ун-та. 1976. № 5. С. 3–12.
15. Нинов А. А. Бунин и Горький. 1899–1918 гг. // Литературное наследство. М.: ИМЛИ, 1973. Т. 84, № 2. С. 7–65.
16. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 5: Повести, рассказы, очерки, стихи (1900–1906). М.: ГИХЛ, 1950. 496 с.
17. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 1: Рассказы, стихи (1895–1896). М.: ГИХЛ, 1949. 587 с.

REFERENCES

1. Zyryanov O. V. Fenomen poslednego stikhotvoreniya v formate liricheskoy miniatyury. In: Fenomen „poslednego stikhotvoreniya“: teoriya i praktika issledovaniya: coll. monogr. Elets: EGU im. I. A. Bunina, 2022. Pp. 6–27.
2. Bunin I. A. Complete works. In 13 vols. Vol. 10: Portrety; Kritika; Slovo o Bunine. Moscow: Voskresenye, 2006. 584 p.
3. Bunin I. A. Complete works. In 6 vols. Vol. 1. Petrograd: Izdanie t-va A. F. Marks», 1915. 258 p.
4. Chernysheva V. I. „Stikhotvoreniya 1887–1891 gg.“ I. A. Bunina v kriticheskikh otklikakh sovremennikov. *Orlovskiy tekst rossiyskoy slovesnosti*. Iss. 13. Orel: Kartush, 2021. Pp. 74–76.
5. Dvinyatina T. M. Rannyya lirika I. A. Bunina: istoki i vliyaniya. *Izv. Ros. akad. nauk. Ser. literaturny i yazyka*. 2022, Vol. 81, No. 5, pp. 5–17.
6. Bunin I. A. Poems. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo Doma: Vita Nova, 2014. 544 p. (Novaya b-ka poeta).
7. Titarenko S. D. Lirika I. A. Bunina v kontekste Serebryanogo veka. In: I. A. Bunin i mirovoy literaturnyy protsess. *Proceedings of international scientific conference, dedicated 130th anniversary of the writer's birth*. Orel, 2000. Pp. 3–13.
8. Sapozhkov S. V. Poeziya 1880–1890-kh godov pod “perekrestnym ognem” narodnicheskoy i simbolistskoy kritiki. *Vestn. Ryazanskogo gos. un-ta im. S. A. Esenina*. 2020, No. 2 (67), pp. 91–103.
9. Sapozhkov S. V. “Slomlennye krylya”: poeziya Semena Yakovlevicha Nadsona. *Literatura v shkole*. 1999, No. 8, pp. 32–43.
10. Ivanyuk B. P. “Poslednee stikhotvorenie”: zhanrologicheskaya zayavka v formate slovarnoy statyi. In: Fenomen „poslednego stikhotvoreniya“: teoriya i praktika issledovaniya: coll. monogr. Elets: EGU im. I. A. Bunina, 2022. pp. 4–6.
11. Bunin I. A. Poems. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo Doma: Vita Nova, 2014. 544 p. (Novaya b-ka poeta).
12. Nadson S. Ya. Complete collection of poems. Moscow–Leningrad: Sov. pisatel, 1962. 506 p. (B-ka poeta. Bolshaya seriya).
13. Mikhaylov M. I. Maksim Gorkiy i simbolizm v kontekste problemy gumanizma. In: Maksim Gorkiy: pro et contra, antologiya. *Sovremennyy diskurs*. St. Petersburg: RKhGA, 2018. Pp. 204–208.
14. Lyubushkin V. I. Printsipy inoskazatelnosti v poezii M. Gorkogo. *Vestn. Moskovskogo un-ta*. 1976, No. 5, pp. 3–12.

15. Ninov A. A. Bunin i Gorkiy. 1899–1918 gg. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow: IMLI, 1973, Vol. 84, No. 2, pp. 7–65.
16. Gorkiy M. Collected works. In 30 vols. Vol. 5: Povesti, rassказы, ocherki, stikhi (1900–1906). Moscow: GIKhL, 1950. 496 p.
17. Gorkiy M. Collected works. In 30 vols. Vol. 1: Rassказы, stikhi (1895–1896). Moscow: GIKhL, 1949. 587 p.

Урюпин Игорь Сергеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: is.uryupin@mpgu.su; isuryupin78@mail.ru

Uryupin Igor S., PhD in Philology, Associate Professor, Professor, Russian literature of the XX–XXI centuries Department, Moscow Pedagogical State University

e-mail: is.uryupin@mpgu.su; isuryupin78@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2023

The article was received on 01.10.2023